

Елена Анатольевна Глотова

Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент,
декан филологического факультета, Омск, Россия
e-mail: elena_glotova_62@mail.ru

Вероника Анатольевна Москвина

Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры литературы и культурологии, Омск, Россия
e-mail: moskvina_va@mail.ru

Образ медведя в фольклоре и лингвокультуре Омского Прииртышья

Аннотация. В статье выявляются особенности образа медведя, сложившиеся в фольклоре и лингвокультуре Омского Прииртышья, региона со смешанным составом населения.

Ключевые слова: лексема, семантика, зооним, зооморфная характеристика, русское культурное пространство, лингвокультура, фольклор, образ, региональные особенности.

Elena A. Glotova

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Philology,
Omsk, Russia
e-mail: elena_glotova_62@mail.ru

Veronika A. Moskvina

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Literature and Cultural Studies, Omsk, Russia
e-mail: moskvina_va@mail.ru

The Bear's Image in Folklore and Linguoculture of the Omsk Irtysh Region

Abstract. The article reveals the features of the bear's image that have developed in the folklore and linguoculture of the Omsk Irtysh region, a region with a mixed population.

Keywords: lexeme, semantics, zoonym, zoomorphic characteristic, Russian cultural space, linguistic culture, folklore, image, regional features.

Введение (Introduction)

Слово *медведь* в сознании русскоязычного человека тесно связано с определенными символами и ассоциациями, изучением которых начали заниматься еще в конце XVIII — начале XIX в. Медведь в культуре разных народов — один из наиболее почитаемых и распространенных мировоззренческих объектов. Изучение народных представлений о медведе стало предметом этнографических исследований еще в XVIII в., например о культе медведя у остяков сообщает М. Д. Чулков [1, с. 194]. Медведь в верованиях славян, германцев и других индоевропейских народов представлен А. Н. Афанасьевым в «Поэтических воззрениях славян на природу». Афанасьев также обращается к этимологии слова *медведь* и дает интерпретацию образа в сказках и песнях в духе мифологической школы [2, с. 386–390, 464–465]. Подробное лексикографическое описание

можно увидеть в «Толковом словаре великорусского языка» В. И. Даля [3].

Тем не менее интерес к образу медведя среди исследователей (лингвистов, фольклористов, этнографов, археологов) остается стабильно высоким.

Цель настоящей статьи — рассмотреть образ медведя в лингвокультурном аспекте на основе данных словарей, фольклорных материалов региона со смешанным составом населения, зафиксированных в конце XX — XXI вв., и выявить характерные черты этого образа.

Исследование проведено на основе толковых, диалектных словарей русского языка, устных фольклорных рассказов, заговоров и текстов речевых жанров, собранных во время фольклорных экспедиций в северные районы Омского Прииртышья, заметок из дневника собирателя В. А. Москвиной, а также данных ассоциативного эксперимента,

проведенного среди учащихся 6–7-х классов бюджетного общеобразовательного учреждения Омской области «Многопрофильный образовательный центр развития одаренности № 117» и студентов филологического факультета Омского государственного педагогического университета [4].

Методы (Methods)

Работа над поставленной проблемой потребовала совместить приемы собирательской и исследовательской деятельности. При записи рассказов о медведях были использованы методы интервьюирования и включенного наблюдения. Большая часть текстов о медведях входит в состав такой специфической области устного народного творчества, как охотничий фольклор, имеющий свои формы бытования и своих носителей. По особенностям бытования охотничий фольклор может быть закрытым и открытым, общедоступным. Закрытость и открытость этой группы текстов связана не с жанровой дифференциацией, а с их функциональной направленностью. Собирателю не раз приходилось выступать в качестве знатка подобных историй и таким образом быть допущенной в круг посвященных, где и случались интересные записи.

Сравнительно-историческое исследование образа медведя позволяет выявить его местные особенности на фоне других региональных традиций, а также определить материнскую традицию отдельных составляющих этого образа.

Метод свободного ассоциативного эксперимента позволяет дать временной срез и показать важность образа медведя в современной лингвокультуре.

Наконец, комплексный подход к анализу способствует проникновению в различные структурные элементы образа медведя.

Литературный обзор (Literature Review)

В словаре «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь» анализируется слово-зооним *медведь* как зооморфный образ, имеющий свою национально-культурную обусловленность. Е. А. Глова в работе «Национально-культурная обусловленность семантики зоонима *медведь*» проследила развитие этого образа в современном дискурсе [5].

Медвежий фольклор Восточной Сибири более 20 лет исследует Г. В. Афанасьева-Медведева. Ею рассмотрены охота на медведя, медвежий культ в устных рассказах русских старожилов, реликты медвежьего культа и образ медведя в несказочной прозе русских Восточной Сибири. Исследование затрагивает продолжительный период бытования медвежьего фольклора в регионе. Свообразным итогом этой работы стала монография «Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири» [6].

Этнографический анализ восточнославянских поверий о медведе в Западной Сибири, известных по записям конца XIX — начала XX в., проведен Ф. Ф. Болоневым и Е. Ф. Фурсовой, которые отметили устойчивость этих поверий в календарных обрядах и фольклоре [7].

Фольклористическое изучение охотничьего фольклора, в том числе связанного с охотой на медведя [8], а также выявление основных сюжетов устных рассказов о медведях [9] было проведено на материале, зафиксированном в 2000–2010-х гг. в Омском Прииртышье.

Несмотря на достаточно большое внимание лингвистов, этнографов, фольклористов и даже политологов к культуре медведя, сохраняется актуальность исследований образа медведя в его региональном проявлении на современном этапе.

Исследование на стыке двух филологических направлений — фольклористики и языкознания — позволит сделать всеобъемлющие выводы о столь разнообразном зооморфном образе.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Еще В. И. Даль отмечал, что референтом значения для русской языковой личности является бурый медведь [3, с. 317–318]. Соответственно, основные табуированные оценочные наименования в народной речи связаны именно с его характеристикой. Здесь сразу же отметим, что и само слово *медведь* является, по сути, табуированным наименованием: данные этимологических словарей указывают, что общеславянское *медведь* восходит к праславянскому — *medvĕdъ — «*поедатель меда*», иноказательное название животного, в свое время заменившее в славянском языковом пространстве индоевропейское *ǵʰros [5; 10, с. 589]. Рассмотрим такие наименования:

– *зверь*: общее родовое название, оппозиция «дикое животное — домашнее животное», «жестокое, свирепое — прирученное, одомашненное»; к данной оппозиции можно отнести и номинации *едучий*, *лютый*;

– *черный зверь*: черный цвет, очевидно, здесь выполняет маркирующую функцию, выделяя особую роль медведя: черный (= белый) как главный среди животных;

– *ломака*, *ломьга*, *костоправ*: характеристика через характерные предикаты (например: *Медведь изломал охотника*);

– *черная немочь*: сравнение с болезнью, эпилепсией, которая тоже, как и медведь, «ломает» человека; в народном сознании медведь пугает человека/животное, а от испуга случаются болезни, в том числе и падучая;

– *лесник*, *урманный*: номинация по месту обитания;

– *овсяник*, *муравейник*, *стервятник*: наименование по особенностям питания;

– *лапистый зверь*, *косолапый*, *косматый*, *космач*, *магнач*, *куцый*, *куцык*, *бурый*: характеристика по внешним особенностям: зверь с большими лапами, покрытый мохнатой густой бурой шерстью, практически без хвоста;

– *лешак*, *леший*, *лесной черт*: фиксируется связь с демонической силой, средоточие потусторонней силы;

– *Миша*, *Михайло Иванович Топтыгин*, *Потылыч*: образ медведя антропоморфен, поэтому наименование может идти через оппозицию «мужское — женское»; в данном случае мужские личные имена, сюда же можно отнести и демунивные *Мишка*, *Мишенька*, *Мишук*, реже — через женские имена *Аксинья*, *Матрена*.

В славянских народных традициях сложилась вполне устойчивая структура образа медведя. А. В. Гура, рассматривая символику медведя, выделяет следующие структурные элементы образа: происхождение медведя и его связь с человеком, божественное и демоническое начало, оборотничество медведя, табуирование его имени, символика его образа, медвежья атрибутика. Автор отмечает, что

ярче и разнообразнее образ медведя представлен у восточных и южных славян, «... что общие черты в образе медведя в славянской традиции в целом проявляются прежде всего в представлениях о человеческом происхождении медведя и его сожительства с человеком, а также в символике плодородия, здоровья и силы» [11, с. 177] и что наблюдаются региональные различия в символике образа.

Зафиксированные в Среднем Прииртышье материалы демонстрируют в первую очередь хорошую сохранность представлений о сочетании человеческого и звериного в образе медведя. Как правило, восприятие медведя, эмоциональная и моральная оценка зверя складывается из отдельных реплик, звучащих в беседах с информантами, встречавшими его в естественных условиях. В таких разговорах образ медведя строится по двум принципам: антропоморфизация и сакрализация зверя. Почти все рассказчики — и охотники, и люди, случайно столкнувшиеся с ним в лесу, — указывают на схожесть медведя с человеком: «*Медведь бежит, — рассказывает охотник из Седельниковского района Омской области М. С. Малахов, — на каждый шаг поворот головы. Станет за дерево, как человек.*». Известный сказочник из того же района П. Ф. Матюков делился впечатлениями после поимки медведя-шатуна: «*Шкуру содрали с медведя, в ванну посадили — сидит, как голая женщина*» [12].

Многие охотники приписывают медведю человеческие чувства: раненый зверь плачет, как ребенок, может мстить человеку. Один из охотников, на счету у которого, как он говорит, более 30 добытых медведей, постоянно вспоминал взгляд раненого зверя. И взгляд зверя не давал ему ни сна, ни покоя, пока не поймал этого медведя.

В этих представлениях, безусловно, сохранились отголоски культа медведя: до сих пор у охотников северных районов Омской области считается, что, добыв первого медведя, молодой человек становится настоящим охотником, т. е. проходит своеобразная инициация.

В отличие от охотников, которые в своих размышлениях о медведях редко допускают иронию по отношению к зверю, обычные люди — женщины-ягодницы, грибники, рыбаки — часто с юмором вспоминают о встрече со зверем. На вопрос собирателя: «Не страшно ли было с медведем встретиться?» Н. И. Бахарева (жительница Седельниковского района Омской области) ответила: «*С медведем-то? А че, он хороший человек.*». В ее ответе прозвучала самоирония: «*Мы с ним дружим. Он то корову, то теленка упрет*» [12].

Про медведей от таких рассказчиков записан целый ряд однотипных текстов с общим началом: человек идет в лес за ягодами, грибами или на реку рыбачить. Продолжение истории зависит от реакции человека и животного: либо разбегаются, испугавшись друг друга, либо человек старается уйти незамеченным: «*Пошел дед на охоту с собачками. Хорошие собачки. Идут: впереди собачки, сзади дед. Ну и встретился им медведь. Ну, дед и говорит: "Бежал я и тютки мои сзади. Всю дорогу загадили". — "Дык, кто?" — "Дык, мы с тютками"*» [13, ЭК-1/2008, зап. в с. Кейзес Седельниковского р-на]. Вопрос внучки: «*Дык, кто?*» — не случаен. Во множестве записаны мемораты о встречах медведя с женщинами, собирающими лесную

малину или смородину: женщина берет ягоды с одной стороны куста, а медведь лакомится с противоположной. Увидев друг друга, разбегаются, причем именно от медведя остается «след» от испуга (отсюда, очевидно, и фразеологизм *медвежья болезнь*).

Помимо человеческих чувств медведю в представлениях сибиряков присуще и человеческое поведение. Это отражено в сюжетах о приручении медведя. Г. В. Афанасьева-Медведева рассмотрела устные рассказы о содержании медвежат и выделила мотивы сообразительности медвежат и их одичания после употребления мяса. Также исследователь отметила в этих рассказах сохранение рудиментов славянского медвежьего культа.

В наших материалах такие рассказы единичны. Н. И. Бахарева вспоминала: «*У нас медведиху убили в берлоге зимой, медвежат привезли, трех медвежат. <...> Манякины там жили, фамилия. У них дома... теленка кормили. <Медвежонка с ним поместили>. Идут мимо, закинут ему то сладкое, орешки любит, орехов подадут — он целкает. А мясо в праздники кто-то из хозяев дал, мясом накормили, так он телю и порвал. Так вот живет под вид собаки. Так он за ограду бежал на цепи, на железной проволоке. Проволока была*» [13, ЭК-1/2008, зап. в с. Кейзес Седельниковского р-на].

Также отрывочные сведения о содержании медвежат были зафиксированы в Тевризском и Усть-Ишимском районах. Информаторы вспоминали, что старики рассказывали, как кто-то брал осиротевших медвежат, растил их, что потом с ними случалось, не знают.

В материалах экспедиций 2000-х гг. есть устные рассказы о «человеческом» поведении медведя и его взаимоотношениях с человеком, сохранившие тотемические верования.

П. Ф. Матюков как реальную поведал историю на сказочный сюжет «Медведь на службе у человека» (СУС –160****) [14]: «*В Кейзесе на льнозаводе медведь ручной жил, телегу возил со снопами. Нагрузить телегу снопов, а ен вместо коня. Оглобли в передние лапы возьми и вязеть телегу в склад. И так целый день. А как время обедать — постукают у железку, ениде шов — там ету тялегу и кинет, и на обед с мужиками. У яго своя особая кастрюля была. Ён и ев. И так всегда. Посяред завода, так посяред кинет, кода застукают в жалезку на обед. Ну, что ен понимает, раз на обед позвали — кидай!*» [12]

Сюжеты о сожительства медведя с человеком известны, главным образом, по сказкам (СУС 156, –160****, –179*). В 2005 г. в Крутинском районе Омской области были зафиксированы мифологические рассказы о похищении медведом девочки и о помощи человека медведю. Исполнительница была убеждена в подлинности этих историй, на что указывает ссылка на авторитетный источник — отца, на свидетельства очевидцев и участников событий: «*У нас как-то, отец мне потом рассказывал, мы как приехали сюда, пошли по грузди, девочку трехлетнюю унес медведь», «И она потом рассказывала, чем он ее кормил: у ягодами кормил, и в деревню ходил воровал, и меду таскал. Меду, прям здесь вот эти были улы-то», «И вот она жалела его»* [13, ЭК-2/2005, № 88]; «*А у меня мама рассказывала,*

рожь-то жали еще серпом, серпом жали рожь. Значить, она беременная была. Вот медведь идет прям к ней, идет прям к ей. Сама испугалась, а куда бежать-то с животом-то» [13, ЭК-2/2005, № 89].

В рассказе о похищении ребенка можно увидеть отголоски тотемических представлений: «Ее привезли в деревню, а она рвалась: “Папа ждет меня. Мама ждет меня”. А папа, мама — медведи? Ну вот, и не пустили ее. Так она, как собака, на цепи сидела, никуда не пускали ее. Так он пришел к ихнему дому и в ворота билси. Так желал ее видеть». Девочка не только воспринимает медведя как родителя, но и сама приобретает зооморфные черты (как собака, на цепи сидела).

Во втором рассказе медведь просит помощи у женщины, а затем благодарит ее. В тексте нашли отражение приметы, связанные с медведем, способы защиты от зверя. А. В. Гура пишет о встрече с медведем как о предзнаменовании счастья, а также о способах защиты от зверя [11, с. 171]. В анализируемом тексте женщина, встретив медведя, подумала: «Господи, если медведь пройдет, значит, счастливо жить буду» [13, ЭК-2/2005, № 89]. Но зверь «подходит к ей и вот так вот кланяется. А у нее была брошь на груди». Для исполнителя, видимо, в силу традиционных воззрений было важно назвать местоположение броши, так как при встрече с медведем для женщины «самым верным средством считается показать ему свою грудь» [11, с. 171]. Женщина помогает медведю: вынимает занозу, обрабатывает рану, дважды делает перевязку.

Еще одно поверье, переосмысленное в рассказе, касается провидческих способностей медведя, который среди всех встреченных им женщин безошибочно выбирает беременную. Ф. Ф. Болонев и Е. Ф. Фурсова со ссылкой на В. Я. Неклепаева отмечают, что, по представлениям сибиряков, медведь, встретив беременную, «обязательно вырывал у нее ребенка», «чтобы в самом зародыше умертвить своего будущего врага — охотника» [7, с. 33]. В рассказе нет кровавой развязки, но повествование заканчивается тем, что женщина родила в ту же ночь, а ребенок умер.

Интересно в данном рассказе представлены действия медведя, который ведет себя как человек, испытывает человеческие чувства: подходит и кланяется, «отблагодарил и пошел», «ногу там размыла <...> забинтовала, а еще диколон у нее был с собой, она еще взяла диколон, взяла диколон обрызгала это всё. Заморщился, что больно-то. Она показывает ему: “Терпи”. Всё сделала, он ушел. И пока там шель-шепель, он корину большую отодрал таку очень и приволок ей меду, рассчитывать за это. И он показал ей, мол, бери и всё. А сам пошел, помаhal ей и пошел в лес».

Подобные представления о помощи человека медведю бытуют также в Седельниковском, Знаменском, Тевризском районах Омской области, однако целостных текстов в этих локальных традициях зафиксировать не удалось.

До сих пор в качестве оберегов используют медвежьи когти, зубы, шерсть. Так, потомственный охотник из Седельниковского района Омской области идет в лес, надев на шею амулет из медвежьего когтя, а над детской кроватью в его доме висит шкура медвежонка.

С другой стороны, медвежьи атрибуты используются для нанесения вреда. Для остановки свадебного поезда достаточно провести медвежьим когтем черту на дороге, лошади остановятся, чем, по мнению информанта из Крутинского района, пользовались колдуны на свадьбах [12, зап. в 2012 г.].

А. В. Гура отмечает, что с помощью медведя можно обнаружить и снять порчу со скота: «В Великопольше записан рассказ о том, как медведь не захотел войти в хлев одного хозяина, у которого не велись коровы. Это помогло хозяевам обнаружить закопанную в хлеву конскую голову, специально подложенную кем-то для порчи скота» [11, с. 165]. Потомок белорусов-переселенцев подтверждает оппозицию «медведь — лошадь»: «Если лошади намазать яйца жиром медвежьим, то ты эту лошадь не поймашь. Это я проверял» [13, ЭК-3/2007, № 62].

Табуирование наименования животного — важный элемент представлений о нём. Список наименований в словаре В. И. Даля приводится в различных работах, посвященных семантике медведя. Среди омских охотников распространены *муравейник* и *бурый*. Причем по отношению к *муравейнику* (небольшому медведю с вытянутой мордой) охотники еще употребляют название «медведь», *бурого* называют только так. В беседе, завязавшейся у паромной переправы через Иртыш, с охотником-татаринном из Знаменского района Омской области звучали оба эти названия. На вопрос, кто такой *муравейник*, он ответил: «Да, медведь такой небольшой с вытянутой мордой. Один тут повадился за ежевикой <указывает на ежевичник, спускающийся узкой полосой к Иртышу>, женщины по ягоду идут, видели его. А бурый дальше туда в тайгу, там живет. С ним лучше не встречаться, с ним шутки плохи. — <Бурый медведь?> — Нет, бурый — это бурый, здоровый такой. Ходил, видел на дереве метра три от земли кору драл, шерсть к смоле пристала, светлый такой коричневый, а муравейник почти черный» [12, зап. в 2011 г.].

Табуированным именем называют медведя в русских заговорах — *черный зверь*, *лютый*. Так, в западносибирских записях заговоров начала XX в. можно встретить разграничение зверя, т. е. медведя, и волка:

— От кого ты огород городишь?

— От черного зверя, от серого волка... [15, № 29].

У П. А. Городцова находим оберег скота от медведей и волков: «Черные лютые звери, серые волки, принес я вам питание-еду, не надейтесь более на меня. Аминь» [16, с. 51].

В современных записях омских заговоров, главным образом оберегах, также встречается табуированное название медведя: *лютый зверь*, *лесной зверь*, *зверь едучий*, *лихой зверь*, *дикий зверь* [17, № 222, 235, 517, 522, 524, 529, 561, 564, 569, 570].

Исследователи отмечают связь медведя с нечистой силой, в частности, домовый может иметь облик медведя [11, с. 166]. Такое поверье сохранилось и в Омском Прииртышье, что нашло отражение в скотоводческом заговоре:

Соседушка дедушка-медведушка,

Прими мою коровушку,

Напои, накорми

И домой проводи [17, № 557].

Табуированные оценочные наименования медведя и фольклорные сюжеты наложили отпечаток и на сознание современного молодого человека. Школьники и студенты Омской области, принявшие участие в ассоциативном эксперименте (98 человек), на слово-стимул *медведь* дали реакции, доказывающие устойчивость традиционных характеристик образа медведя [4].

Наиболее частотными оказались реакции, связанные с внешними характеристиками:

- цвет: *бурый* (24), *черный* (1);
- рост, размер: *большой* (19), *огромный* (2), *громадный* (2), *толстый* (1), *крупный* (1);
- шерсть: *шерсть* (7), *мех* (1), *мохнатый* (1);
- части тела: *лапа* (3), *коготь* (1), *когтистый* (1);
- особенность походки: *косолапый* (7).

Кроме того, реакции респондентов связаны с поведенческими и качественными характеристиками медведя: *сила* (8), *сильный* (5), *ярость* (1), *свирепость* (1), *злой* (1), *мощь* (1), *громкий* (1). Сюда же можно отнести и эмоциональное восприятие человеком этих характеристик: *опасность* (3), *угроза* (1), *страх* (1), *смерть* (1), *грозный* (1). Отмечаются и ассоциации, связанные с характерными звуками этого животного: *рычание* (1), *рев* (1), *р-р-р* (1). Существенными являются реакции, связанные с местом обитания и жилищем медведя: *лес* (17), *берлога* (7), *тайга* (1), *сибирский* (1). Тесно с ними связаны и такие реакции, как *мед* (21), *рыба* (4), *пчелы* (2), *шишка* (1), *дерево* (1).

Реакции показывают отнесенность медведя к животному миру: *животное* (6). Также представлены оппозиции

«дикий — домашний»: *хищник* (5), *зверь* (4), *дикий* (2); «охотник — добыча»: *ружье* (1), *охотник* (1).

В ответах респондентов представлены и нетрадиционные реакции, связанные уже с современным дискурсом (политика, игрушки, мультфильмы и т. п.): *Россия* (14), *бала-лайка* (8), *Маша* (4), *родина* (1), *шапка-ушанка* (1), *игрушка* (1), *плюшевый* (1), *братец-медвежонок* (1), *пушистик* (1), *прикольный* (1), *конфета* (1), *цирк* (1).

Интересным представляются реакции *русский* (2) и *русский зверь* (1), определяющие «национальную» принадлежность медведя, что, скорее всего, обусловлено влиянием политического дискурса (респонденты — студенты). В ответах студентов-филологов встретились реакции, связанные с изучаемой ими предметной областью: «Евгений Онегин» (3), «Котлован», Шишкин (1).

Заключение (Conclusion)

Проведенный анализ показал, что образ медведя в русском языковом сознании человека XXI в. сохраняет элементы, характерные для архаического мышления, и включает компоненты, связанные с современными реалиями. В региональной лингвокультуре наблюдается процесс стирания локальных черт образа медведя.

Комплексный подход на основе исследовательских методик фольклористов и лингвистов открывает дальнейшие перспективы в изучении зооморфных образов в русской лингвокультуре. Такой подход потребует разработки новых приемов исследования, направленных на осмысление трансформации образов языковой картины мира, уходящих корнями в традиционную народную культуру.

Библиографический список

1. Чулков М. Д. Словарь русских суеверий. СПб. : Тип. Шнора, 1782. 272 с.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. М. : Индрик, 1994. Т. 1. 800 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М. : Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 2. 808 с.
4. Артемьева К. В. Образ медведя в сознании современного школьника и студента // Ratio et Natura. 2020. № 2 (2). URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2020-11/Образ%20медведя%20в%20сознании%20современного.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
5. Глотова Е. А., Артемьева К. В. Национально-культурная обусловленность семантики зоонима «медведь» // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2020. № 2 (27). С. 77–80. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-77-80
6. Афанасьева-Медведева Г. В. Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири : моногр. Иркутск : Репроцентр А1, 2018. 692 с.
7. Болонев Ф. Ф., Фурсова Е. Ф. Культ медведя в верованиях крестьян Сибири (следы прошлого в настоящем) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск : Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2000. С. 31–40.
8. Москвина В. А. Охотничий фольклор в материалах экспедиции 2007 г. в Седейниковском районе Омской области // Народная культура Сибири : материалы XIV науч. семинара-симпозиума Сиб. рег. вуз. центра по фольклору. Омск : Амфора, 2007. С. 219–228.
9. Москвина В. А., Малахова Е. П. Особенности сюжетостроения устных рассказов о медведях // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 300–305.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
11. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
12. Личный архив В. А. Москвиной.
13. Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета.
14. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 438 с.

15. Бирюков Я. Сибирские заговоры // Алтайский сборник. Барнаул : Типо-литография Главного Управления Алтайского округа, 1912. Т. XI. С. I–II, 1–17.
16. Городцов П. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск : Типография Епархиального братства, 1916. Вып. XXVI. Отд. II. С. 1–65.
17. Москвина В. А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX — начало XXI вв.). Омск : Изд-во ОмГПУ, 2005. 415 с.

References

- Afanas'ev A. N. (1994) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu [Poetic Views of the Slavs on Nature]**. Moscow, Indrik Publ., vol. 1, 800 p. (in Russian)
- Afanas'eva-Medvedeva G. V. (2018) *Medved' v russkoi traditsionnoi kul'ture Vostochnoi Sibiri [Bear in the Russian Traditional Culture of Eastern Siberia]**. Irkutsk, Reprotsentr A1 Publ., 692 p. (in Russian)
- Artem'eva K. V. (2020) *Obraz medvedya v soznanii sovremennogo shkol'nika i studenta [The Image of a Bear in the Minds of a Modern Schoolchild and Student]**, *Ratio et Natura*, no. 2 (2). Available at: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2020-11/Образ%20медведя%20в%20сознании%20современного.pdf> (accessed: 01.10.2021). (in Russian)
- Barag L. G., Berezovskii I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (eds.) (1979) *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative Index of Plots. East Slavic Fairy Tale]**. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 438 p. (in Russian)
- Biryukov Ya. (1912) *Sibirskie zagovory [Siberian Spells], Altaiskii sbornik [Altai Collection]**. Barnaul, Tipo-litografiya Glavnogo Upravleniya Altaiskogo okruga Publ., vol. XI, pp. I–II, 1–17. (in Russian)
- Bolonev F. F., Fursova E. F. (2000) *Kul't medvedya v verovaniyakh krest'yan Sibiri (sledy proshlogo v nastoyashchem) [The Bear Cult in the Beliefs of Siberian Peasants (Traces of the Past in the Present)*]*, *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnikh i sovremnykh kul'turakh Sibiri [The Peoples of Siberia: History and Culture. The Bear in Ancient and Modern Cultures of Siberia]**. Novosibirsk, Institut arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk Publ., pp. 31–40. (in Russian)
- Chulkov M. D. (1782) *Slovar' russkikh sueverii [Dictionary of Russian Superstitions]**. Saint Petersburg, Tipografiya Shnora Publ., 272 p. (in Russian)
- Dal' V. I. (1882) *Tolkovy slovar' zhivago velikoruskago yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]**. Saint Petersburg, Moscow, Tipografiya M. O. Vol'fa Publ., vol. 2, 808 p. (in Russian)
- Fol'klornykh arkhiv Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Folklore Archive of Omsk State Pedagogical University]**. (in Russian)
- Glотова E. A., Artem'eva K. V. (2020) *Natsional'no-kul'turnaya obuslovlennost' semantiki zoonima "medved'" [National and Cultural Conditionality of the Semantics of the Zoonym "Bear"]*, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]*, no. 2 (27), pp. 77–80, doi: 10.36809/2309-9380-2020-27-77-80 (in Russian)
- Gorodtsov P. A. (1916) *Prazdniki i obryady krest'yan Tyumenskogo uyezda [Holidays and Rituals of the Peasants of the Tyumen District]**, *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya [Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum]**. Tobolsk, Tipografiya Eparhial'nogo bratstva, issue XXVI, ed. II, pp. 1–65. (in Russian)
- Gura A. V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]**. Moscow, Indrik Publ., 912 p. (in Russian)
- Lichnyi arkhiv V. A. Moskvinoi [Personal Archive of V. A. Moskvina]**. (in Russian)
- Moskvina V. A. (2005) *Russkie zagovory v Zapadnoi Sibiri (XIX — nachalo XXI vekov) [Russian Spells in Western Siberia (19th — Early 21st Centuries)*]*. Omsk, OGPU Publishing House, 415 p. (in Russian)
- Moskvina V. A. (2007) *Okhotnichii fol'klor v materialakh ehkspeditsii 2007 goda v Sedel'nikovskom raione Omskoi oblasti [Hunting Folklore in the Materials of the 2007 Expedition in the Sedelnikovskiy District of the Omsk Region]*, *Narodnaya kul'tura Sibiri [Folk Culture of Siberia]**. Omsk, Amfora Publ., pp. 219–228. (in Russian)
- Moskvina V. A., Malakhova E. P. (2008) *Osobennosti syuzhetostroeniya ustnykh rasskazov o medvedyakh [Features of Storytelling of Oral Stories About Bears]**, *Literatura Urala: istoriya i sovremennost' [Literature of the Urals: History and Modernity]**. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., issue 4, pp. 300–305. (in Russian)
- Vasmer M. (1986) *[Russisches Etymologisches Wörterbuch]*. 2nd ed. Moscow, Progress Publ., vol. 2, 672 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.